ХОМБАК ЕВГЕНИЙ

ТОЧКА НОЛЬ

от ненависти к любви

Хомбак Евгений

Точка ноль

«Автор»

2026

Евгений Х.

Точка ноль / Х. Евгений — «Автор», 2026

Почему мы срываемся на тех, кого любим? Почему за секунду уничтожаем карьеру, которую строили годами? Почему разумный, взрослый человек вдруг превращается в вулкан и говорит слова, о которых потом жалеет всю жизнь?Ответ не в слабости и не в дурном характере. Ответ — в Аматии. Это состояние, когда центр нашей психики — Самость — отключается, и связь с реальностью рвется. Позитивные паттерны любви мутируют в свою тень. Мы перестаем видеть реальных людей и начинаем бить своей сильной стороной туда, где нужна была просто пауза.Через захватывающие истории героев, которые могли бы быть вашими соседями или коллегами, и последующее «вскрытие» их мозга и психики, вы:поймете, как именно истощение превращает вас в того, кем вы себя не считаете; освоите научно доказанные техники (физиологический вздох, заземление), которые за 15 секунд возвращают устойчивость; научитесь выстраивать жизнь не как изнурительный бой на выживание, а как легкий танец между покоем и ясностью.

© Евгений Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1 9
ГЛАВА 2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Точка ноль

ПРОЛОГ

0.02 секунды, которые сносят жизнь

Воздух в частном зале ресторана «Ласточка» был плотным и сладким, как ликер, который официант только что добавил в кофе Дмитрия. Сквозь панорамные окна закатное солнце высекало на белых скатертях длинные, острые тени. Будто само пространство предупреждало: сейчас здесь что-то сломается.

Дмитрий не слышал предупреждений.

Он сидел напротив инвестора — седовласого мужчины с фамилией, звучавшей как пароль в лучшие инвестиционные фонды, — и пытался удержать на лице спокойную полуулыбку. Получалось плохо. Левая бровь то и дело начинала дергаться — крошечный тик, который он маскировал, потирая висок. Справа от него сидел Олег, его сооснователь и лучший друг. Пять лет они делили один стол, один офис, одну мечту. Сейчас Олег что-то размеренно объяснял про юнит-экономику, но голос его доносился словно сквозь вату.

Дмитрий не спал нормально уже неделю. Неделю — с того самого момента, как юристы прислали финальную версию договора, и он понял, что отступать некуда. Ставка была не просто на бизнес — на всю его жизнь. Деньги инвестора означали свободу: возможность наконец выдохнуть, начать видеться с женой не украдкой, засыпать без мысли о завтрашнем платеже. Отказ инвестора означал… Об этом он запрещал себе думать. Думать он вообще себе запрещал — только действовать. Спать — некогда, есть — некогда. Тело превратилось в оголенный нерв, натянутый между ребрами.

Сейчас, глядя на спокойное лицо инвестора, Дмитрий чувствовал, как внутри него закипает странный, почти неуправляемый гнев. Он не мог объяснить его природу. Все ведь шло хорошо. Инвестор кивал, задавал умные вопросы, даже пошутил про пробки. Но внутри Дмитрия скреблось иррациональное чувство: он нас проверяет. Он хочет, чтобы мы опозорились. Он смотрит на нас как на щенков.

Это была неправда. Инвестор был вежлив и профессионален. Но психика Дмитрия, истощенная до донышка, уже не различала реальность и внутренние проекции. Она искала угрозу — и находила ее повсюду.

Олег закончил. Инвестор отпил кофе, выдержал паузу и задал вопрос. Простой, логичный, почти рутинный:

— Дмитрий, мне интересна ваша личная позиция. Вы готовы через три года полностью выйти из операционного управления, если этого потребует совет директоров? Я знаю, что стартап — ваше детище. Но я вкладываю деньги в зрелую компанию, а не в мастерскую одного инженера.

В зале на секунду повисла тишина. Олег под столом чуть коснулся колена Дмитрия — мол, спокойно, мы это обсуждали, отвечай по плану. Дмитрий знал правильный ответ. Он должен был мягко парировать: «Я готов передать полномочия, если это будет обосновано интересами компании. Но давайте посмотрим на результаты нашей команды — они говорят сами за себя». Он знал эти слова. Он репетировал их сотню раз.

Но мозг Дмитрия больше не принадлежал ему. На неделе он спал в среднем по три часа в сутки. Его надпочечники были выжаты досуха, а префронтальная кора — та самая зона рационального мышления, которая отделяет удачную шутку от скандала — сидела на голодном пайке. А миндалевидное тело, древний страж, раздулось от фонового кортизола и ждало только искры.

Искрой стали слова инвестора. Точнее, одно слово: «мастерской одного инженера».

Дмитрий услышал не нейтральное деловое выражение. Он услышал плевок во все, что он строил. В его бессонные ночи, в его жертвы, в его гордость. В ту самую 1-ю функцию его психики, что отвечала за личный авторитет, — и которая в состоянии истощения превратилась в оголенный провод.

За 0.02 секунды до катастрофы он еще мог выбрать другой путь. Но он не знал как. Никто никогда не учил его, что в такие моменты не нужно думать. Нужно дышать.

— Послушайте, — голос Дмитрия прозвучал громче, чем требовалось. Олег дернулся. Инвестор поднял бровь. — Я не для того пять лет не вылезал из этого чертового офиса, чтобы сейчас какой-то… чтобы сейчас мне говорили, что это мастерская. Вы даже не представляете, чего нам это стоило. Если вы не верите в меня, то какой смысл вообще…

Дальше пошли слова, которые не предназначались для деловых ужинов. Слова, пропитанные не яростью даже — обидой. Глубинной, детской обидой, которую он прятал годами и которая сейчас, когда все защитные барьеры рухнули, выплеснулась наружу. Он обвинил инвестора в высокомерии. Он бросил фразу про «людей, которые никогда ничего не создавали». Он перешел на личности. Олег пытался его перебить, но Дмитрий уже не слышал — он летел в пропасть с открытыми глазами.

Инвестор слушал молча. Его лицо было непроницаемым. Когда Дмитрий, наконец, замолчал, задыхаясь, в зале воцарилась ледяная тишина.

— Я услышал достаточно, — произнес инвестор и поднялся. — Спасибо за ужин. Договор можете не присылать.

Он ушел. Стук его шагов по паркету прозвучал как гвозди, забиваемые в крышку гроба. Олег не смотрел на Дмитрия. Он сидел, сжав виски ладонями, и молча качал головой. Пять лет. Пять лет работы, нервов, дружбы — все это только что кончилось за одним столом, под безразличным светом закатного солнца.

Дмитрий просидел в ресторане еще час. Олег ушел, не сказав ни слова. Только бросил на прощание взгляд, в котором читалось не разочарование — пустота. Дмитрий остался один, глядя на остывший кофе, и чувствовал, как внутри него что-то осыпается. Это была не злость. Это был ужас узнавания. Он вдруг понял, что тот человек, который только что кричал на инве-

стора, — это не он. Это был кто-то другой. Кто-то, кто жил внутри него и ждал момента, когда хозяин устанет настолько, что выпустит вожжи.

Домой он приехал поздно ночью. Жена, Алена, не спала. Она ждала его в гостиной, закутавшись в плед. Когда он вошел, она поднялась и шагнула навстречу:

— Дима, боже, я так волновалась. Ну что? Как все прошло? Ты не звонил…

В ее голосе была нежность. Тепло. Она хотела обнять его, принять, помочь. Но в этот момент тело и психика Дмитрия были уже полностью захвачены Аматией — режимом тотального искажения, когда реальный партнер исчезает, а на его месте возникает проекция.

Он не увидел жену, которая любила его десять лет. Он увидел судью. Он услышал не заботу, а требование отчета. Каждое ее слово прозвучало как обвинение. Ты не справился. Ты провалился. Ты подвел.

— Что прошло? — заорал он прямо с порога, срывая галстук. — Тебя интересует, принесу я тебе денег или нет? Я только что потерял все, что строил. Все! А тебе лишь бы свои вопросы задавать! Может, прекратишь уже давить на меня? Может, хоть раз не будешь пилить?

Слова, которые он бросил дальше, были страшными. Он назвал ее причиной своих неудач. Он вспомнил старые обиды. Он выплеснул в нее все, что боялся сказать самому себе. Алена стояла, прижав ладонь к губам, и по ее лицу катились беззвучные слезы. А он все не мог остановиться — потому что остановиться из Аматии почти невозможно. Это как кричать на кипящий чайник и надеяться, что он остынет.

В ту ночь он ночевал на диване в гостиной. Алена закрылась в спальне. Утром он нашел записку на кухонном столе: «Я не знаю, кто ты. Я больше не могу. Я уехала к маме».

Вот так. За одни сутки. Сначала сделка. Потом партнер. Потом жена. Итог: три руины там, где еще утром была жизнь.

Что это было? Слабость характера? Дурная наследственность? Скрытая психопатия?

Нет.

То, что случилось с Дмитрием, имеет точное название в системе Аматорики: Аматия. Это состояние, когда центр нашей психики — Самость, 5-я трансцендентная функция — отключается. Связь между сознанием и бессознательным рвется. Мы перестаем видеть реальных людей. Мы заменяем их своими комплексами, страхами и проекциями. И мы, не отдавая себе отчета, начинаем слепо бить своей самой сильной функцией туда, где нужно было просто промолчать или обнять.

И самое страшное — этот переход не занимает часов. Он происходит мгновенно. За 0.02 секунды. Именно столько требуется миндалевидному телу, чтобы захватить управление и залить ваш мозг кортизолом, когда внутренний резерв исчерпан.

Останавливать Аматию мыслью в тот момент, когда она уже накрыла, — бессмысленно. Говорить себе «успокойся», когда префронтальная кора отключена, — это то же самое, что

кричать на чайник, требуя, чтобы он перестал кипеть. Не сработает. Единственный способ не разрушить свою жизнь, как это сделал Дмитрий, — не доводить себя до того состояния, когда малейшая искра способна поджечь весь пороховой погреб.

Эта книга — о том, как выстроить свою жизнь между двумя полюсами: Кеномой (точкой абсолютного покоя, где психика не искажает реальность) и Софией (состоянием ясности, где вы видите партнера и ситуацию такими, какие они есть). Жизнь между Кеномой и Софией — это легкий танец. Жизнь между Софией и Аматией — это изнурительный бой на выживание, который вы в конце концов проиграете.

У Дмитрия не было инструмента. Он не знал, что даже в условиях жестких сроков и недосыпа катастрофы можно было избежать, занимаясь простой практикой, специальным научно доказанным дыханием, которое активировало блуждающий нерв и вернуло бы Самость в режим ясности. Он не знал, что когда чувствуешь приближение бездны, можно перенести внимание в стопы — и якорь физического ощущения вернет тебя из мира проекций в реальность. Он не знал, что Кеному можно и нужно практиковать не в тибетском монастыре, а в очереди за кофе, на совещании, за рулем.

Теперь знаете вы.

Эта книга — ваш физиологический рубильник. Ваша возможность нажать на «перезагрузку» до того, как случится нервный срыв.

Давайте разбираться, как это работает.

ГЛАВА 1

АМАТИЯ: КОГДА МЫ СМОТРИМ В КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

История первая: Лена и Игорь

Они встретились на конференции по урбанистике — оба тянули руки, чтобы задать вопрос спикеру, и столкнулись локтями. Игорь потом скажет: «Ты посмотрела на меня так, будто я украл твой микрофон». Лена рассмеется: «Так и было». Это была та самая встреча, которую позже называют судьбой: легкая, острая, с послевкусием удивления. Через месяц они уже не могли представить вечер без голоса друг друга в телефонной трубке, через полгода — съехались, а еще через год стали той парой, на которую оборачиваются в метро. Не потому, что они были ослепительно красивы — хотя Лена действительно была хороша той сдержанной северной красотой, а Игорь носил костюм с небрежностью человека, которому не нужно ничего доказывать. Оборачивались потому, что между ними ощущался ток. Поле. То, что древние греки назвали бы Эросом — не просто страсть, а глубокая, устойчивая симпатия и привязанность, делающая двоих одним целым.

В первый год они пили кофе из одной кружки. Игорь оставлял на холодильнике стикеры с дурацкими рисунками, Лена писала ему длинные сообщения, пока он был в командировках. Он прилетал в три ночи, она открывала дверь, и они стояли в прихожей, просто дыша друг другом. «Ты — мой дом», — сказал он однажды, зарывшись лицом в ее волосы. Она запомнила эти слова навсегда.

Когда Эрос начал давать трещину, ни Лена, ни Игорь этого не заметили. Трещины вообще редко замечают сразу. Сначала кажется, что это просто тень, просто усталость, просто «сложный период на работе».

Работа действительно стала сложной. Игорь получил повышение — должность руководителя отдела в консалтинговой компании. Повышение означало не только прибавку к зарплате, но и бесконечные совещания, горящие дедлайны и звонки в десять вечера. Лена, архитектор-проектировщик, тоже была загружена, но ее график оставался предсказуемым. Она приходила домой в семь, готовила ужин, ждала. Сначала Игорь предупреждал о задержках. Потом стал забывать. Потом перестал.

— Ты можешь хотя бы скинуть смс? — спросила она однажды. Голос был спокойный, но в глубине уже звенел тонкий, почти неслышный колокольчик тревоги.

— Лен, я на совещании. Я не могу отвлекаться на каждое «я задерживаюсь», — ответил он. И это была правда. Но для нее эта правда прозвучала иначе: ты не важна.

Внутреннее Солнце Лены — ее Самость, дирижер психики, — в тот момент еще работало. Она еще могла отделить факты от интерпретаций. «Он не игнорирует меня. Он просто занят. Это пройдет, когда проект закончится». Она повторяла это себе, как мантру. И мантра работала — до определенного момента.

Момент настал в пятницу. Игорь уехал утром, сказав, что будет поздно, но постарается к девяти. Лена приготовила его любимые ребрышки, зажгла свечи, открыла бутылку красного

— того самого, что они пили в свой первый совместный Новый год. В девять его не было. В десять она написала: «Ты скоро?». Ответ пришел через сорок минут: «Сорри, завал. Не жди». Смайлик в конце. Веселый смайлик, который в ее голове мгновенно превратился в издевку.

Вот тут-то и начался тот самый переход. 0.02 секунды, за которые реальность превращается в кривое зеркало.

Лена убрала ребрышки в холодильник, задула свечи и села в кресло, поджав ноги. Она не плакала. Она смотрела в одну точку на стене, и в голове ее, как старая пластинка, закрутилась мысль: Почему он так со мной? За ней — вторая: Он меня не любит. Третья: У него кто-то есть.

Это была неправда. У Игоря не было никого. У Игоря был проект, который трещал по швам, и четыре сотрудника, не умевших вовремя сдавать отчеты. Он сидел в офисе, потирал виски и мечтал только об одном — оказаться дома. Но Лена этого не знала. Она уже не могла этого знать, потому что ее психика переключилась в режим, где факты больше не имеют значения.

Это Аматия. Самость — центр, соединяющий сознание и бессознательное, — отключается. И вместе с ней отключается способность видеть реального партнера. Вместо живого Игоря, уставшего и загнанного, перед внутренним взором Лены возник Другой. Чужой. Тот, кто обманывает. Тот, кто не любит. Тот, кто хочет сделать ей больно.

К полуночи Лена уже не сидела в кресле. Она ходила по квартире, как зверь в клетке. В руке блестел экран телефона. Она открыла его страницу социальной сети. Пролистала ленту, нашла фото с корпоратива — там была женщина, HR-менеджер, просто стояла рядом с Игорем и улыбалась. Кто это? Почему она так близко? Почему он никогда о ней не рассказывал? В нормальном состоянии Лена даже не заметила бы этого снимка. Сейчас она изучала его с лупой следователя. Кровь стучала в висках, ладони вспотели. Внутреннее Солнце погасло, и на его месте раскручивалась черная воронка.

Когда замок входной двери наконец щелкнул, было уже почти два часа ночи. Игорь вошел, стараясь не шуметь. Он ожидал, что Лена спит. Но она стояла в коридоре, скрестив руки на груди, и лицо ее было белым как мел.

— Кто такая Светлана? — спросила она. Голос был чужим. Ледяным.

Игорь замер с ключом в руке. Он даже не сразу вспомнил, о ком речь.

— Светлана?.. Из HR? Лен, ты о чем? Ты вообще понимаешь, сколько времени?

Дальше был час крика. Лена вывалила все: и фотографию, и «ты не предупреждаешь», и «я тут сижу одна как дура», и «ты меня не любишь». Игорь сначала оправдывался, потом начал злиться. Его голос поднялся до ответного крика: «Я работаю на износ, чтобы у нас был дом, а ты устраиваешь допрос!» Слово за слово, и они уже стояли в разных углах кухни, и между ними была не пара шагов линолеума, а ледяная пропасть. Оба говорили и не слышали друг друга. Оба видели не партнера, а проекцию собственного страха.

В тот раз они помирились. Игорь клялся, что Светлана — просто коллега. Лена извинялась сквозь слезы, ненавидя себя за этот срыв. Но что-то неуловимо изменилось. В квартире

поселился призрак. Лена стала чаще проверять его телефон. Игорь — позже возвращаться домой. Не потому, что разлюбил, а потому что дом перестал быть местом, где его ждут с теплом. Дом стал минным полем.

Она все глубже проваливалась в Манию — темную изнанку Эроса, где любовь превращается в одержимость, а привязанность — в контроль. Он — в Фобию, искажение Филии, где доверие заменяется подозрительностью, а открытость — ложью во спасение. Он начал врать по мелочам: сказал, что задержался на совещании, а сам просто сидел в машине и смотрел в потолок, потому что не было сил идти в квартиру, где каждый его шаг будет разбираться под микроскопом. Она это чувствовала — и проверяла его телефон еще чаще, находя новые «улики» там, где их не было. Круг замкнулся.

Однажды утром Лена разбила кружку. Ту самую, из которой они когда-то пили кофе вдвоем. Просто убирала со стола, и та выскользнула из рук. Осколки разлетелись по полу, и Лена вдруг разрыдалась — не о кружке, а о чем-то гораздо большем, что она не могла назвать словами. Ей казалось, что сама реальность подает ей знак. Сейчас здесь что-то сломается. Уже сломалось.

РАЗБОР: ЧТО ЭТО БЫЛО?

Давайте остановимся. Отмотаем назад и посмотрим на историю Лены и Игоря не как на печальную драму двух любящих людей, а как на точную механическую модель того, что Аматорика называет Аматией — состоянием тотального искажения реальности. В учении стоиков термин «аматия» означает противоположность мудрости.

В центре нашей психики, как мы говорили в Прологе, находится Самость — 5-я трансцендентная функция. Она не делает что-то конкретное. Она дирижирует оркестром. Она переключает внимание между паттернами, балансирует функции, и — что самое важное — она отвечает за то, видите ли вы реального человека перед собой или галлюцинацию, сотканную из ваших собственных страхов.

У Самости три состояния: Кенома (покой), София (ясность) и Аматия (фрагментация). Сейчас нас интересует третье.

Аматия — это режим, в котором Самость выключается. Связь между сознанием и бессознательным рвется, точнее бессознательное начинает вас активно атаковать. Вы перестаете воспринимать реальность такой, какая она есть. Вместо этого вы видите проекцию. Вы смотрите на партнера, но видите не его — вы видите свой страх. Вы смотрите на коллегу — и видите конкурента, который хочет вас уничтожить, даже если он только что принес вам кофе. Вы смотрите на мир — и мир превращается в кривое зеркало.

Кто захватывает штурвал?

Когда Самость отключается, управление психикой перехватывает Тень — 3-я функция. В Аматорке это «подросток»: замкнутый, бунтующий, неуверенный, болезненно воспринимающий критику. Именно Тень наполняет нас ощущением «со мной что-то не так» и проецирует это ощущение вовне.

В случае Лены Тень кричала: Ты не важна. Тебя не любят. Ты недостаточно хороша. И что делает психика, чтобы защититься от этой боли? Она использует самую сильную свою сторону — 1-ю функцию, Эго («Родителя») — и бьет ею туда, куда бить не надо.

Лена начала уверенно и доминантно требовать привязанности. Она не просто хотела любви — она требовала доказательств, проверяла, допрашивала. Ее сильная сторона, которая когда-то дарила тепло, теперь жгла. А Игорь под давлением начал закрываться. Его Филия дала сбой, превратившись в Фобию: подозрительность, избегание.

Они не видели друг друга. Они видели свои проекции.

Нейробиология падения

Теперь — самое важное. То, что происходит в этот момент в мозге.

Когда Лена увидела веселый смайлик в ответе Игоря, ее миндалевидное тело (амигдала) — древний страж, отвечающий за реакцию на угрозу, — мгновенно оценило ситуацию как опасную. Почему? Потому что ее организм был истощен. Она не спала нормально несколько ночей, переживала, находилась в фоновом стрессе. Ее внутренний резервуар Либидо (психической энергии) был пуст.

И когда ресурс на нуле, амигдала не думает. Она бьет тревогу. Выбрасывается кортизол. Префронтальная кора — центр рационального мышления, эмпатии и способности видеть нюансы — отключается за 0.02 секунды. Именно этот механизм превратил «он забыл предупредить» в «он меня не любит и у него другая».

И вот критический момент: когда кортизол уже залил мозг, остановить этот процесс мыслью невозможно. Говорить себе «успокойся», уговаривать, приводить логические доводы — бесполезно. Это нейробиологический факт. Вы не можете мыслью отменить химическую реакцию. Вы не можете заставить кипящий чайник остыть, крича на него.

Лена пыталась успокоиться. Она ненавидела себя за эти срывы. Но на следующий раз все повторялось снова — потому что она пыталась работать с последствиями, а не с причиной.

Зеркала и знаки

Вы заметили деталь с разбитой кружкой? В Аматорике такие совпадения — не просто литературный прием. Когда Самость отключена, мы живем в мире, полном «знаков». Психика, лишенная центра, начинает видеть подтверждения своим страхам повсюду. Разбитая кружка «доказывает» конец любви. Случайный взгляд коллеги «подтверждает» измену. Это ловушка Аматии: она заставляет нас верить, что внешний мир подыгрывает нашему внутреннему хаосу. И чем больше мы в это верим, тем глубже тонем.

Но есть и обратная сторона. Когда Самость возвращается в режим ясности, синхронистичность начинает работать иначе. Мир начинает подыгрывать не нашему страху, а нашей силе. Но об этом — в следующих главах.

Есть ли выход?

Прямо из Аматии выхода нет. Единственный способ — не проваливаться в нее. Не доводить себя до той точки истощения, где малейшая искра поджигает весь порох.

Для этого нужно научиться управлять не мыслями, а телом. Нужно знать, где находится ваш физиологический рубильник — тот самый блуждающий нерв, который может за секунды вернуть Самость из хаоса в покой. Нужно освоить практики, позволяющие в течение дня совершать микро-погружения в Кеному — состояние нуля, где психика не искажает реальность, а просто принимает ее.

Именно этому посвящена вторая часть этой книги. Но прежде чем мы перейдем к инструментам, нам нужно познакомиться с двумя другими состояниями Самости: Софией и Кеномой. Потому что нельзя вернуться в точку, которую ты никогда не видел.

Об этом — в следующей главе.

Лена и Игорь все еще стоят на кухне, разделенные невидимой пропастью. Но где-то внутри каждого из них еще теплится то самое Солнце, которое они когда-то зажгли вместе. Оно не погасло. Оно просто скрыто грозовыми облаками. И научиться разгонять эти облака — не магия. Это навык. Навык, которому можно научиться.

ГЛАВА 2

СОФИЯ: ИСКУССТВО КРИСТАЛЬНОГО ВИДЕНИЯ

История вторая: Анна и человек, который «все портил»

Анна ненавидела понедельники. Не в том смысле, в каком их ненавидит офисный планктон, — с мемами про тяжелое утро и мечтами о пятнице. Она ненавидела их, потому что именно по понедельникам ее начальник, региональный директор, любил устраивать «разбор полетов». И каждую неделю на этом разборе звучало одно и то же имя: Виктор.

— Анна, твой отдел опять сорвал дедлайн по проекту «Меридиан».

— Анна, у тебя там что, богадельня? Почему Виктор до сих пор не сдал отчет за прошлый месяц?

— Анна, я понимаю, что у тебя сложный сотрудник. Но если ты не можешь с ним справиться, может, ты не тот руководитель, который нам нужен?

Последняя фраза звенела в ушах весь обратный путь до кабинета. Дверь за собой Анна закрывала аккуратно, без хлопка, но внутри нее все кипело. Она садилась в кресло и смотрела в одну точку на стене — туда, где отходили обои у плинтуса. Кто-то из прежних начальников, говорят, в эту точку даже дротики кидал. Анна дротиков не держала, но желание понимала отлично.

Виктор был ее головной болью с того самого дня, как она приняла отдел. Опытный специалист, старше нее на десять лет, с въедливым, дотошным умом и манерой говорить медленно, будто каждое слово он пробует на зуб. Когда-то он сам метил на ее должность — и не получил. Теперь он сидел в углу опенспейса, в наушниках, и делал вид, что ее не существует. Задания выполнял так, будто оказывал личное одолжение. Дедлайны пропускал с королевским спокойствием. На планерках отмалчивался, а потом, после совещания, подходил и тихо, вкрадчиво ронял: «Анна, я, конечно, не эксперт, но это решение было… несколько поспешным». И уходил, оставляя ее с чувством, будто ее ткнули носом в лужу, но так виртуозно, что не подкопаешься.

«Он меня изводит», — думала Анна вечерами, сидя в пустом офисе. «Он специально срывает сроки, чтобы выставить меня дурой перед начальством». «Ему лишь бы доказать, что он лучше». Мысли эти были горячими, липкими и невероятно убедительными. Они приходили сами, без приглашения, и Анна прокручивала их в голове снова и снова, как заевшую пластинку.

К пятнице она была на взводе. К следующему понедельнику — готова к войне. Она представляла, как вызовет Виктора в кабинет и выскажет ему все. Как поставит ультиматум. Как — если понадобится — пойдет к директору и потребует его увольнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.